

Посвящается Альме, свету во тьме

I

Жертвы

Вот оно. То, что нужно.

Туфельки «Прада», которые она видела в «Вог» за прошлый месяц. Незаметный штрих, завершающий ансамбль. С маленьким черным платьем, купленным за бесценок на улице Драгон, выйдет потрясающе. Просто *отпад*. С улыбкой Жанна Крулевска потянулась в кресле. Наконец-то она придумала, что наденет сегодня вечером. И не просто придумала, а *представила себе*.

Она вновь проверила мобильный. Ни одного нового сообщения. Сердце екнуло от беспокойства. Еще сильнее и болезненнее, чем в прошлый раз. Почему он не звонит? Уже пятый час. Поздновато, чтобы подтвердить приглашение на ужин.

Отбросив сомнения, она позвонила в бутик «Прада» на проспекте Монтеня. Есть у них такие туфли? Тридцать девятый размер? Она заберет их сегодня до семи. Недолгое облегчение тут же сменилось тревогой. У нее на счету и без того перерасход в восемьсот евро... А с этой покупкой получится больше тысячи трехсот.

Впрочем, уже 29 мая. Зарплату перечислят через два дня. Четыре тысячи евро. И ни центом больше, включая премиальные. Месяц снова начнется с доходом, урезанным на целую треть. Хотя ей не привыкать. Она давным-давно приноровилась выкручиваться. Жанна закрыла глаза. Представила себя на лакированных каблуках. Сегодня она будет совсем другой. Неузнаваемой. Ослепительной. Неотразимой. Все остальное — проще простого. Сближение. Примирение. Новое начало...

Но почему он не звонит? Накануне он сам сделал первый шаг. В сотый раз за день она открыла почту и прочитала мейл. *Его мейл:*

Сам не знаю, чего я наговорил. У меня и в мыслях такого не было. Завтра поужинаешь со мной? Я позвоню и заеду за тобой в суд. Я буду твоим королем, а ты — моей королевой...

Последние слова — намек на «Героев», песню Дэвида Боуи. Коллекционная запись, где рок-звезда несколько куплетов исполняет по-французски. Она прекрасно помнила, как они откопали виниловую пластинку у торговца музыкальными раритетами в квартале Ле-Алль. Радость в его глазах. Его смех... В ту минуту ей больше ничего не было нужно. Только всегда вызывать — или хотя бы поддерживать — этот огонь в его глазах. Подобно весталкам Древнего Рима, постоянно хранившим священный огонь в храме.

Зазвонил телефон. Но не мобильный. Городской. Проклятье.

— Алло?

— Это Вьоле...

Жанна мгновенно переключилась на рабочий лад:

— Дело движется?

— Какое там...

— Он признался?

— Нет.

— Так он ее насильовал или нет, черт его побери?

— Говорит, знать ее не знает.

— Она ведь дочь его любовницы?

— А он сказал, что и с матерью не знаком.

— Разве трудно доказать обратное?

— С таким все трудно.

— Сколько еще у нас времени?

— Шесть часов. Считай, что нисколько. За восемнадцать часов мы ничего из него не вытянули.

— Вот дерьмо.

— Оно самое. Ладно. Пойду попробую поддать жару. Хотя боюсь, дело не выгорит...

Повесив трубку, она поразилась, насколько все это ей безразлично. Между тяжестью обвинения — изнасилование несовершеннолетней — и смехотворными ставками ее жизни — состоится ужин или нет — лежит пропасть. А она не в силах думать ни о чем, кроме этого свидания.

Одно из первых практических заданий в Национальной школе судебных работников заключалось в просмотре видеокadra: правонарушение, заснятое камерой слежения. Затем каждого будущего судью просили рассказать, что именно он видел. Все рассказывали по-своему. Менялись марка и цвет автомобиля. Число нападавших у всех было разное. Как и последовательность событий. И это упражнение задавало тон. Объективности не существует. Правосудие — дело рук человеческих. Несовершенное, зыбкое, субъективное.

Машинально она взглянула на дисплей мобильного. Ничего. Жанна почувствовала, как к глазам подступили слезы. Она ждала его звонка с самого утра. Воображала, мечтала, прокручивала в голове все те же мысли, все те же надежды, чтобы через мгновение погрузиться в бездну отчаяния. Сколько раз она была готова позвонить ему сама. Но об этом нечего и думать. Надо держаться...

Полшестого. Вдруг ею овладела паника. Все кончено. Это ничего не значащее приглашение на ужин — всего лишь последние содрогания трупа. Он уже не вернется. Пора с этим смириться. Выкинь его из головы. Начни все с чистого листа. Займись собой. Расхожие фразы, выражающие безысходную тоску таких же горемык, как она. Тех, кого вечно бросают. Тех, кому суждено вечно страдать. Она повертела в пальцах ручку и встала.

Кабинет находился на четвертом этаже Нантерского суда. Десять квадратных метров, забитых провонявшими пылью и чернилами для принтера папками, где работала она сама и секретарша суда Клер. Ее она отпустила в четыре, чтобы смыться пораньше.

Она встала у окна и посмотрела на пригорки Нантерского парка. Мягкие линии склонов, четкие очертания лужаек. Справа жилые комплексы всех цветов радуги, а

за ними — «башни-облака»¹ Эмиля Айо, говорившего: «Сборные конструкции — экономическая необходимость, но она не должна вызывать у людей ощущение, что они сами — сборные конструкции». Жанне нравились эти слова, но она не была уверена, что результат оправдал ожидания архитектора. День за днем на нее в этом кабинете обрушивалась реальность, порожденная неблагополучием бедных кварталов: грабежи, изнасилования, разбойные нападения, наркоторговля... Совсем не то, что было задумано.

подавив приступ тошноты, она вернулась за письменный стол, прикидывая, сколько еще протянет без лексомила². На глаза попала стопка бланков. Апелляционный суд Версаля. Нантерский исправительный суд. Кабинет мадам Жанны Крулевска. Следственного судьи³ при Нантерском исправительном суде. Тут же вспомнилось, как обычно о ней отзывались коллеги. «Самая молодая в своем выпуске», «Восходящая звезда юриспруденции», «Пойдет по стопам Евы Жоли и Лоранс Вишневски» — так говорили о ее карьере.

Зато в личной жизни — полный крах. Тридцать пять лет. Ни семьи, ни детей. Две-три приятельницы, все незамужние. Трехкомнатная съемная квартирка в Шестом округе. Никаких сбережений. Никакого имущества. Никаких перспектив. Жизнь утекла сквозь пальцы. И вот уже в ресторане к ней обращаются «мадам», а не «мадемуазель». Черт.

---

¹ «Башни-облака», построенные Эмилем Айо в Нантере, — жилой комплекс из восемнадцати башен, каждая из которых окружена примыкающими к ней цилиндрами. Социальное жилье для малоимущих было приоритетным направлением в творчестве архитектора.

² Антидепрессант.

³ Следственный судья — во Франции и ряде других стран судья, который принимает решение об ограничительных мерах на стадии предварительного следствия (ордер на арест, обыск, постановление об изъятии), а также проводит обеспечительные допросы обвиняемого и свидетелей.

Два года назад она сорвалась. Жизнь, незадолго до того отдававшая горечью, утратила всякий вкус. Депрессия. Больница. «Жить» в то время означало для нее «страдать». Два эти слова стали синонимами. Но, как ни странно, от пребывания в этом заведении у нее сохранились приятные воспоминания. Во всяком случае, теплые. Три недели сна, когда ее пичкали лекарствами и кормили с ложечки. Постепенное возвращение к реальности. Антидепрессанты, психоанализ... С тех пор у нее осталась невидимая трещина в душе, которую в повседневной жизни она старательно заглушала визитами к психологу, таблетками, выходами в свет. Но черная дыра никуда не исчезла, она всегда была рядом, почти заманивала ее, постоянно притягивала...

Она нащупала в сумке лексомил. Положила под язык целую таблетку. Прежде ей хватало четвертушки, но, привыкнув, она стала глушить себя полной дозой. Она устроилась в кресле поглубже. Подождала. И скоро ее отпустило. Дыхание стало свободнее. Мысли успокоились...

В дверь постучали. Жанна подскочила в кресле. Оказывается, она задремала.

На пороге стоял Стефан Рейнхар в своем неизменном пиджаке в елочку. Взъерошенный. Помятый. Небритый. Один из семи следственных судей Нантерского суда. Их называли «великолепной семеркой». Но Рейнхар уж точно самый из них сексуальный. Скорее Стив Маккуин, чем Юл Бриннер.

— Ты у нас отвечаешь за финансовый надзор?

— Вроде бы я.

Три недели назад на нее возложили эту обязанность, хотя она не слишком разбиралась в таких делах. С тем же успехом ей могли достаться организованная преступность или терроризм.

— Так ты или не ты?

— Ну я.

Рейнхар помахал зеленой папкой:

— В прокуратуре что-то напутали. Прислали мне это ОЗ.

ОЗ — обвинительное заключение, составленное прокурором или тем, кто его замещает, после проведения предварительного следствия. Обычное официальное письмо, подшитое к первым документам по делу: полицейским протоколам, отчету налоговых служб, анонимным письмам... Все, что способно вызвать подозрения.

— Я снял для тебя копию. Можешь почитать прямо сейчас. Оригинал пришлю вечером. Материалы тебе передадут завтра. Или, хочешь, обождем, тогда достанется следующему дежурному судье. Что скажешь?

— А что там?

— Анонимный донос. По первому впечатлению попахивает отличным политическим скандальчиком.

— С какого фланга попахивает?

Он поднес к виску правую ладонь, пародируя военное приветствие:

— Напра-а-а-во, мой генерал!

В один миг в ней проснулся профессиональный интерес, наполнив ее уверенностью и рвением. Ее работа. Ее власть. Полномочия судьи, которыми наделил ее президент.

Она протянула руку:

— Давай сюда.

2

С Тома она познакомилась на вернисаже. Она даже помнила точную дату. 12 мая 2006 года. И место. Просторная квартира на Левом берегу, где была устроена фотовыставка. Ее наряд. Индийская туника, серые переливчатые джинсы, сапожки в байкерском стиле. На фотографии Жанна не смотрела, она сосредоточилась на своей цели: самом фотографе.

Чтобы окончательно подавить внутреннее сопротивление, она бокал за бокалом глушила шампанское. Когда она намечала жертву, то любила перебрать, чтобы самой превратиться в добычу. «Он нежно убивал меня своей

песней». «Нежное убийство» в исполнении группы «Фуджис» перекрывало гул толпы. Самая подходящая музыка для мысленного стриптиза, которому она предавалась, отбрасывая один за другим свои страхи, сомнения, стыдливость... Она размахивала ими над головой, словно бюстгальтером или стрингами, стремясь достичь истинной свободы, свободы желания. Всякий проходил через это.

В ушах Жанны звучали предостережения подруг: «Тома? Бабник. Трахает все, что шевелится. Козел». Она улыбнулась. Слишком поздно. Шампанское притупило инстинкт самосохранения. Он подошел к ней. Разыграл перед ней свою роль обольстителя. Даже не слишком убедительно. Но в его шутках сквозило желание, а в ее улыбках — призыв.

С первой же встречи все пошло не так. Она слишком быстро позволила себя поцеловать. В тот же вечер в машине. А как говаривала ей мать, когда еще не впала в маразм: «Для женщины первый поцелуй — начало любви. Для мужчины — начало расставания». Жанна упрекала себя за то, что уступила так легко. Вместо того чтобы потихоньку разжигать пламя...

Пытаясь исправить свою ошибку, она несколько недель отказывала ему в близости, создавая между ними ненужное напряжение. Так они утвердились в своих ролях: он призывает, она отказывает. Возможно, уже тогда она пыталась защищаться... Знала, что вместе с телом отдаст ему и сердце. Как всегда. И тогда наступит настоящая зависимость.

Надо отдать Тома должное, он был хорошим фотографом. Но во всем остальном — пустышка. Ни красавчик, ни урод. И приятным его не назовешь. Прижимистый. Эгоистичный. Конечно, трусоватый. Как и большинство мужчин. На самом деле их объединяло только одно: два еженедельных визита к психологу. И те глубокие раны, которые они старались залечить. Когда Жанна размышляла об этом, ей удавалось объяснить свое внезапное увлечение только внешними причинами. Нужное место. Нужное время. И ничего больше. Все это она знала,

но не переставала находить в нем всевозможные достоинства, занимаясь бесконечным самовнушением. В этом суть женской любви: только здесь яйцо высиживает курицу...

Она ошибалась не в первый раз, куда там... Вечно влюблялась не в тех, в кого надо. Даже в чокнутых. Вроде того адвоката, который выключал бойлер, когда она у него ночевала. Он заметил, что после очень горячего душа Жанна мгновенно засыпает, оставив его ни с чем. Или программиста, просившего ее устраивать стриптиз перед веб-камерой. Она порвала с ним, сообразив, что ею любуются не он один. Или того странного издателя, который надевал белые фетровые перчатки, когда садился в метро, и воровал у букинистов подержанные книги. А были и другие. Много других... И за что ей достались все эти придурки? Столько ошибок ради одной-единственной истины: Жанна была влюблена в любовь.

В детстве Жанна без конца слушала одну песенку: «Не бросай ее, / Она такая хрупкая. / Знаешь, быть свободной / Не так-то просто...»¹ В то время она еще не понимала заключенной в этих словах иронии, но предчувствовала, что песенка таинственным образом повлияет на ее судьбу. И оказалась права. Сегодня Жанна Крулевска, независимая парижанка, была свободной женщиной. Это и правда не так-то просто...

Процесс следовал за процессом, обыск сменялся допросом, а она все спрашивала себя, верный ли путь выбрала. Та ли это жизнь, о которой она мечтала? Порой она думала, что все это — чудовищный обман. Ее убедили ни в чем не уступать мужчине. Вкалывать как проклятая. Забыть о чувствах. Неужели *ей* нужно именно это?

А уж как ее бесило, что и эту ловушку подстроили мужчины! По их вине женщины разочаровались в любви и забыли свою величайшую мечту, свою *liebestraum*², само свое предназначение продолжательниц челове-

---

¹ Песня французской группы «Куки Динглер».

² Любовная греза (*нем.*).

ского рода. И ради чего? Чтобы подбирать за мужчинами крохи на профессиональном поприще, а по вечерам рыдать над телесериалами, запивая антидепрессанты бокалом белого вина? Привет эволюции.

Поначалу из них с Тома получилась идеальная современная пара. Две квартиры. Два счета в банке. Две налоговые декларации. Они проводили вместе два-три вечера в неделю да время от времени устраивали романтический уик-энд. В Довиле или где-нибудь еще.

Но стоило Жанне заикнуться о запретном — «обязательствах», «совместной жизни» и даже обмолвиться о «ребенке», как дело было приостановлено производством. Она наткнулась на глухую стену из недомолвок, отговорок и отсрочек... Беда не приходит одна, и ее охватили подозрения. Чем занимается Тома в те вечера, когда они не вместе?

Во время пожара иногда происходит то, что специалисты называют обратной тягой. В закрытом помещении пламя поглощает весь кислород и начинает высасывать воздух снаружи: из-под дверей, сквозь щели в наличниках, трещины в стенах, создавая вакуум и втягивая перегородки, оконные рамы, стекла, пока все не разлетится вдребезги. И тогда внезапный приток кислорода извне мгновенно подпитывает огонь, он разгорается и вспыхивает ярким пламенем. Это и есть обратная тяга.

Так случилось с Жанной. Наглухо закрыв сердце перед малейшим проблеском надежды, она выжгла весь кислород у себя внутри. Все двери и засовы, наложенные на ее ожидания, в конце концов были снесены напрочь, высвободив беспощадную ярость, нетерпение, требовательность. Жанна превратилась в фурию. Она прижала Тома к стенке и предъявила ему ультиматум. Результат не заставил себя ждать. Тома просто сбежал. Затем вернулся. И опять исчез... Ссоры, увертки, побеги повторялись снова и снова, пока их отношения не превратились в затасканную тряпку.

И чего она добилась? Ничего. Ничего она не выиграла. Ни обещаний, ни уверенности. Наоборот, теперь она

одинока, как никогда. И готова принять все. Даже делить его с другой женщиной. Все лучше, чем одиночество. Все лучше, чем потерять его. И потерять себя — настолько его присутствие стало частью ее самой, поглотило и источило ее...

Вот уже несколько недель она выполняла свою работу как после тяжелой болезни: любое движение, любая мысль требовали сверхчеловеческих усилий. Она занималась делами по инерции. Притворялась, будто живет, работает, дышит, а сама была одержима одним неотвязным чувством. Своей испепеленной любовью. Своей раковой опухолью.

И все тем же вопросом: есть ли у него другая?

Жанна Крулевская вернулась домой ближе к полуночи. Не зажигая свет, сбросила плащ. Вытянулась на диване в гостиной, лицом к огням уличных фонарей, рассеивавших потемки.

И мастурбировала, пока не забылась сном.

Э

- Фамилия. Имя. Возраст. Профессия.
- Перрейя. Жан-Ив. Пятьдесят три года. Управляю профсоюзом владельцев недвижимости «COFEC».
- По адресу?
- Дом четырнадцать по улице Катр-Септамбр, во Втором округе.
- Проживаете?
- Сто семнадцать, бульвар Сюше, Шестнадцатый округ.

Жанна подождала, пока секретарь суда Клер все запишет. Десять часов утра, а уже жарко. Она редко проводила опрос свидетелей до обеда. Как правило, в первые рабочие часы она изучала дела и по телефону назначала судебные действия — опросы, допросы, очные ставки — на вторую половину дня. Но на этот раз ей хотелось захватить свидетеля врасплох. Она велела доставить ему

повестку накануне вечером. Он был вызван в качестве обычного свидетеля. Классическая уловка. Свидетель не имеет права ни на адвоката, ни на доступ к делу, а значит он в два раза уязвимее подозреваемого.

— Месье Перрейя, надо ли напоминать вам факты?

Мужчина не ответил. Жанна продолжала нейтральным тоном:

— Вы вызваны сюда по делу о доме шесть на проспекте Жоржа Клемансо в Нантере. В связи с жалобой месье и мадам Ассалих, граждан Чада, ныне проживающих в жилом комплексе Сите-де-Флер, двенадцать, улица Сади-Карно в Гриньи. В рамках коллективного иска, к которому присоединились «Врачи мира» и АСПОС — Ассоциация семей, пострадавших от отравления свинцом.

Перрейя заерзал на стуле, не сводя глаз со своих ботинок.

— Факты таковы. Двадцать седьмого октября две тысячи шестого года шестилетняя Гома Ассалих, проживавшая со своей семьей по адресу проспект Жоржа Клемансо, шесть, поступила в больницу Робера Дебре. Жалобы на сильные боли в животе. К тому же у нее был понос. В крови обнаружено повышенное содержание свинца. Гома страдает сатурнизмом. Ей предписан недельный курс хелации.

Жанна замолчала. «Свидетель» задержал дыхание, все так же уставившись себе на ноги.

— Двенадцатого мая две тысячи первого года десятилетний Бубакар Нур, также проживающий в доме шесть по проспекту Жоржа Клемансо, доставлен в детскую больницу Неккера с тем же диагнозом. Он проходит двухнедельный курс хелации. Дети отравились краской со стен трущоб, где они жили. Семьи Ассалих и Нур обращались в ваш профсоюз с требованием провести санацию квартир. Но ответа не последовало.

Она подняла глаза. Перрейя обливался потом.

— Двадцатого ноября того же года в больницу был доставлен еще один ребенок, семилетний Мохаммед Тамар, проживавший по адресу проспект Жоржа Клеман-

со, дом шесть. Очередное отравление свинцом. Мальчик бился в конвульсиях. Через два дня он умер в больнице Неккера. При вскрытии у него в печени, почках и мозге обнаружены следы свинца.

Перрейя ослабил галстук и вытер ладони о колени.

— На этот раз жильцы при поддержке АСПОС предъявили гражданский иск. Неоднократно они требовали, чтобы вы провели работы по санации дома. Вы ни разу не снизили до ответа, верно?

Мужчина откашлялся и пробормотал:

— Эти семьи еще раньше обратились с просьбой предоставить им другое жилье. Расходы должны были взять на себя городские власти Нантера. Мы ждали их переезда, чтобы начать ремонт.

— Будто вы не знаете, как долго удовлетворяются подобные запросы! Ждали, пока они все перемрут?

— Но у нас-то не было средств, чтобы их переселить.

Жанна задержала на нем взгляд. Высокий, широкоплечий, в дорогом черном костюме, вьющиеся волосы с проседью окружают голову ореолом. Несмотря на внушительную внешность, Жан-Ив Перрейя разыгрывал из себя неприметного скромника. Регбист, который пытается превратиться в невидимку.

Она открыла очередную папку:

— Через два года, в две тысячи третьем, было составлено экспертное заключение. Результат оказался удручающим. Стены квартир выкрашены краской на свинцовых белилах, запрещенных уже в сорок восьмом году. За это время еще четверо детишек попали в больницу.

— Мы собирались сделать ремонт! Город должен был нам помочь!

— В экспертном заключении также отмечены нездоровые условия проживания. Нарушены все нормы безопасности. Однокомнатные квартиры, площадью не больше двадцати метров, без кухни и удобств. А квартплата превышает шестьсот-семьсот евро. Сколько метров в вашей квартире на бульваре Сюше, месье Перрейя?

— Я отказываюсь отвечать.

Жанна тут же пожалела об этом личном выпаде. *Всегда придерживайтесь фактов.*

— Всего через пару месяцев, — продолжала она спокойнее, — в июне две тысячи третьего года, от отравления свинцом снова погибает ребенок из дома номер шесть по проспекту Жоржа Клемансо. Вы и на этот раз не явились, чтобы оценить предстоящий ремонт.

— Мы приезжали.

Она развела руками:

— И где же отчеты? Сметы? Ваша канцелярия нам ничего не предоставила.

Перрейя облизнул губы, снова вытер ладони о брюки. Большие мозолистые ладони. Этот тип был строителем, подумала Жанна. И лишь потом занялся недвижимостью. А значит, разбирается в таких делах.

— Мы недооценили опасность ситуации, — тем не менее солгал он.

— Несмотря на результат экспертизы? Медицинские заключения?

Перрейя расстегнул воротник рубашки.

Жанна перевернула страницу и продолжила:

— За загубленные и непоправимо испорченные жизни Версальский апелляционный суд постановлением от двадцать третьего марта две тысячи восьмого года обязал вас выплатить компенсацию пострадавшим. Семьи в конце концов получили возмещение понесенного ущерба и новое жилье. В то же время эксперты постановили, что дом слишком ветхий и не подлежит ремонту. К тому же выяснилось, что в действительности вы рассчитывали его снести, а на этом месте построить офисное здание. Ирония заключается в том, что в итоге вы получите от города финансовую поддержку, чтобы снести и возвести заново дом шесть по проспекту Жоржа Клемансо. В результате вы добились чего хотели.

— Прекратите говорить «вы». Я всего лишь управляю профсоюзом.

Жанна пропустила этот выпад мимо ушей. В кабинете было жарко, как в печке. Воротник блузки у нее про-

мок от пота. Солнечные лучи стрелами пронзали широкое окно, растекаясь по комнате, словно масло по сковороде. Она едва не попросила Клер опустить шторы, но это пекло — необходимая часть ее игры.

— Этим бы все и кончилось, но несколько семей при поддержке двух ассоциаций — «Врачей мира» и АС-ПОС — предъявили коллективный иск. Вам и домовладельцам. За неумышленное убийство.

— Мы никого не убивали!

— Убивали. Дом и краска стали орудием убийства.

— Мы этого не хотели!

— *Неумышленное убийство.* Формулировка говорит сама за себя.

Перрейя помотал головой и бросил:

— Чего вы добиваетесь? Зачем я здесь?

— Я хочу узнать, кто на самом деле в этом виноват. Кто скрывается за анонимными обществами, владеющими зданием. Кто отдавал вам приказы? Вы лишь пешка, Перрейя. И вам придется отдуваться за других!

— Я никого не знаю.

— Перрейя, вам грозит по меньшей мере десять лет тюрьмы. Без права досрочного освобождения. И отбывать срок вы начнете сегодня же, если я так решу. В камере предварительного заключения.

Мужчина поднял глаза: две вспышки в седых зарослях бровей. Он вот-вот заговорит, Жанна это чувствовала. Она выдвинула ящик и достала крафтовый конверт формата А4. Вынула из него черно-белый снимок такого же размера.

— Тарак Алюк, восемь лет, скончался через шесть часов после госпитализации. Задохнулся в конвульсиях. Вскрытие показало, что содержание свинца в его органах в двадцать раз превышало порог токсичности. Как по-вашему, какое впечатление эти фотографии произведут в суде?

Перрейя отвел взгляд.

— Сейчас вам поможет только одно: разделить ответственность с другими. Сказать нам, кто стоит за акционерными обществами, которые отдают вам приказы.

Он сидел, низко склонив голову, и молчал. Шея у него блестела от пота. Жанна видела, как дрожат его плечи. Она и сама дрожала в мокрой от пота блузке. Началась настоящая битва.

— Перрейя, вы будете гнить в тюрьме по меньшей мере пять лет. Вам известно, как там обходятся с убийцами детишек?

— Но я не...

— Какая разница! Поползут слухи, и вас будут считать педофилом. Так кто стоит за акционерными обществами?

Он почесал затылок:

— Я их не знаю.

— Когда запахло жареным, вы наверняка сообщили об этом тем, кто принимает решения.

— Я послал мейлы.

— Кому?

— В офис. Гражданского товарищества недвижимости. «FIMA».

— Значит, вам ответили. Ответы не были подписаны?

— Нет. Это административный совет. Они не хотели ничего предпринимать, и точка.

— И вы их не предостерегли? Не попытались связаться напрямую?

Перрейя втянул голову в плечи и ничего не ответил.

Жанна вынула протокол:

— Знаете, что это такое?

— Нет.

— Показания вашего секретаря Сильвии Денуа.

Перрейя отшатнулся. Жанна продолжала:

— Она помнит, что семнадцатого июля две тысячи третьего года вы ездили в дом шесть по проспекту Жоржа Клемансо с владельцем здания.

— Она ошибается.

— Перрейя, вы пользуетесь услугами такси компании «G7». И имеете абонемент, именуемый «Клоб афер». Все ваши поездки остаются в памяти компьютера. Мне продолжать?

Он промолчал.

— Семнадцатого июля две тысячи третьего года вы заказали такси — светло-серый «мерседес» с номерными знаками 345 DSM 75. За два дня до этого вы получили первое экспертное заключение. И решили убедиться сами, насколько все серьезно. Оценить состояние здоровья жильцов. Предстоящий ремонт.

Перрейя то и дело затравленно поглядывал на Жанну.

— По сведениям компании «G7», сначала вы заезжали на проспект Марсо в дом сорок пять.

— Я уже не помню.

— Дом сорок пять по проспекту Марсо — адрес гражданского товарищества недвижимости «FIMA». Можно предположить, что вы заезжали к владельцу общества. Шофер ждал вас двадцать минут. Очевидно, все это время вы убеждали владельца в серьезности ситуации, чтобы он согласился поехать с вами. Так за кем вы заезжали в тот день? Кого вы покрываете, месье Перрейя?

— Я не вправе называть имена. Профессиональная тайна.

Жанна стукнула по столу:

— Чепуха! Вы не врач и не адвокат. Кто владелец «FIMA»? За кем вы заезжали, черт побери?

Перрейя замкнулся в молчании. Несмотря на дорогой костюм, он выглядел помятым.

— Дюнан, — прошептал он наконец. — Его зовут Мишель Дюнан. Он владелец контрольного пакета акций по крайней мере двух из трех фирм, которым принадлежит дом. На самом деле он и есть его настоящий владелец.

Жанна сделала знак секретарше Клер. Пора записывать: начинается дача показаний.

— В тот день он ездил вместе с вами?

— Еще бы, когда заварилась такая каша!

Она представила себе, как это было. Июль 2003 года. Вовсю палило солнце. Словно сегодня. Оба бизнесмена потели в своих костюмчиках от «Хьюго Босс», опасаясь, что проклятые негры помешают их покою, успеху, темным делишкам...

— Дюнан так и не принял никакого решения? Не мог же он сидеть сложа руки.

Гранже Ж.-К.

Г 77 Лес мертвецов : роман / Жан-Кристоф Гранже ; пер. с фр. А. Ратай, Е. Головиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-10968-1

Серия кровавых ритуальных убийств заставляет содрогнуться от ужаса даже видавших виды парижских полицейских. В городе орудует маньяк-каннибал, пожирающий плоть своих жертв. Кто он — психопат-аутист, садист-извращенец, поклонник первобытных культов? Множатся версии, но ни одна не ведет к разгадке зловещей тайны. У Жанны Крулевской — опытного следственного судьи и красивой женщины — есть личные причины принять брошенный убийцей вызов. Поиски истины перенесут ее через океан, вынудят пересечь Никарагуа и Гватемалу, заведут в глубь аргентинских болот. Здесь, в самом сердце Леса мертвецов, ей откроется подлинный источник Зла...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ
ЛЕС МЕРТВЕЦОВ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Нины Шабуниной
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.03.2019.

Формат издания 75 × 100^{1/32}. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 22,56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА® –
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-MBD-18999-07-R